

ОПЕРАЦИОНАЛИЗМ И ОБЫДЕННЫЙ ЯЗЫК ¹

ВСТУПЛЕНИЕ

Эта статья, посвященная некоторым идеям позднего Витгенштейна, направлена на выявление отношения между философией психологии Витгенштейна с одной стороны, и с другой, — его философией языка, эпистемологией, и его представлением о природе философского знания. Мы придерживаемся того мнения, что последние работы Витгенштейна содержат логически последовательное учение, в котором анализ доказательства и языка в духе операционализма служит опорой для философской психологии, которую можно назвать «логическим бихевиоризмом».

Мы также будем утверждать, что имеются сильные основания для неприятия философской теории, имплицитно присутствующей в работах позднего Витгенштейна. В частности, во-первых, мы приведем аргументы в пользу того, что позиция Витгенштейна ведет к некоторым неправдоподобным выводам относительно природы языка и психологии; во-вторых, мы покажем, что аргументация самого Витгенштейна не является убедительной, и, в-третьих, мы постараемся набросать некоторый альтернативный проект, который позволит избежать многих трудностей, скрытых в философии Витгенштейна. Разоблачая и отрицая операционализм, который является основой работ позднего Витгенштейна, мы, тем не менее, считаем, что ни в коей мере не умаляем значимости специального анализа конкретных философских проблем.

I

Среди философских проблем, которые стремился разрешить Витгенштейн, есть проблема «познания других сознаний». Одним из аспектов этой старой проблемы является вопрос: «Какое обоснование, если, конечно, оно возможно, может быть дано сформулированному на основе чьего-то поведения утверждению, что этот кто-то находится в определенном состоянии?». На данный вопрос скептик отвечает: «Никакого хорошего обоснования вообще». Среди основных мотивов

¹ *Fodor J., Chihara Ch. Operationalism and Ordinary Language // Fodor J. Representations. © The MIT Press. Camb., Mass., 1981. Перевод выполнен А. В. Пономаревой. Впервые статья была опубликована в журнале: American Philosophical Quarterly. 1965, v. 2, № 4. — Прим. ред.*

обращения позднего Витгенштейна к философской психологии есть такой, который показывает, что указанный скептический ответ основан на неправильных представлениях и логической непоследовательности.

Что касается аргументации философских скептиков, то здесь в качестве посылки принимается, что нет ни логических, ни концептуальных отношений между утверждениями о ментальных состояниях и высказываниями о поведении, то есть отсутствует такая связь, которая бы позволила на основании некоторых утверждений об определенном поведении личности обосновать или подтвердить, что ментальные состояния могут быть приписаны именно этой личности. Из этого скептик заключает, что только сама эта личность, и никакая другая, может достаточно правдиво сказать о том, что испытывает боль, размышляет, имеет те или иные мотивы и т. д. Поскольку ее знание — знание «из первых рук» — необходимо ограничено ее собственным случаем, то, в силу только что указанной посылки, отнесение тех или иных ментальных предикатов к другой личности оказывается зависимым от логически ненадежных выводов. Попытки делать такие выводы на основе аналогий и связей не являются убедительными.

Предлагались различные ответы на эту аргументацию, которые прямо не оспаривают истинность посылки. Например, иногда провозглашается, что, по крайней мере, в некоторых случаях, вывод от поведения к ментальным состояниям вообще не является предметом обсуждения в психологии. Так, мы нередко видим, что кто-то испытывает боль, и в этих случаях мы не можем быть точно информированы для того, чтобы сделать заключение, что он испытывает боль. Несмотря на это, скептик должен выступить против этого аргумента, что и снимет данный вопрос. Таким образом, важной проблемой оказывается следующая: является ли оправданной чья-либо претензия видеть, что другой испытывает боль? Так, физик, смотря на следы в камере Вильсона, может иметь оправданное суждение, что заряженная частица прошла через камеру. Это происходит потому, что здесь существует подтверждение требования, что некоторые виды следов показывают наличие и движение частиц. Физик может объяснить не только то, как он может обнаружить частицы, но также и почему методы, которые он употребляет, являются методами обнаружения частиц. Здесь скептик может возразить: то, что необходимо в случае с чьей-либо болью, есть в некотором роде подтверждение требования, что наблюдая за поведением личности, любой может видеть, что он испытывает боль.

Позиция Витгенштейна в споре со скептиком состоит в критике его посылок, попытке показать, что действительно существуют концептуальные отношения между утверждениями о поведении и утверждениями о ментальных событиях, процессах и состояниях. Витгенштейн утверждает, что во многих случаях наше знание о ментальных

состояниях какой-либо личности основано на чем-то другом, отличном от наблюдаемой, эмпирической корреляции или аргументе по аналогии, а именно, на концептуальной или лингвистической связи.

Считать, что скептическая предпосылка ложная, означает *ipso facto*² примкнуть к некоторой версии логического бихевиоризма, где под «логическим бихевиоризмом» мы подразумеваем учение, в котором рассматриваются логические или концептуальные отношения такого вида, который отрицаем скептической посылкой³. Какой из форм логического бихевиоризма кто-либо придерживается, зависит от природы используемой логической связи. Наиболее сильная форма настаивает на том, что утверждения о ментальных состояниях можно перевести в утверждения о поведении. Витгенштейн, как мы постараемся доказывать, придерживается более слабой версии.

II

Как это хорошо известно, Витгенштейн считал, что философские проблемы обычно рождаются из искажений и неправильных толкова-

² Тем самым (лат.) — Прим. перев.

³ Философы витгенштейновского толка иногда настойчиво отрицают то, что термин «бихевиоризм» прочно связан с мнением, что логические связи вышеназванного вида существуют. Мы не считаем, что термину «бихевиоризм» нужно придавать то большое значение, какое ему сейчас придается, но мы готовы дать некоторое объяснение нашей терминологии. «Бихевиоризм» есть, в первую очередь, термин, употребляемый для названия школы психологов, целью которой было наложение ограничений на понятийный аппарат, используемый в предполагаемых психологических объяснениях, но эти психологи не были особенно заинтересованы в анализе ментального словаря с помощью обыденного языка. Применение такого ярлыка философу, увлеченному этой последней задачей, должно быть, следовательно, до некоторой степени аналогичным. Понимая, что имеется некоторая определяющая тенденция для термина «бихевиоризм», даже в психологии, по отношению к позиции, занимаемой такими радикальными бихевиористами, как Уотсон и Скиннер, которые настаивают, чтобы все психологические обобщения были определены через наблюдение, так что и К. Л. Халл может быть классифицирован как бихевиорист, мы, тем не менее, видим основания для своей систематизации. Точка зрения Халла, как мы ее понимаем, состоит в следующем: ментальные утверждения ни в каком смысле не «исключаемы» в пользу поведенческих предикатов, но существует условие для их согласованного использования, по которому они по отдельности должны быть связаны с поведенческими предикатами, и некоторые из этих взаимосвязей скорее логические, чем эмпирические; данная точка зрения поразительная похожа на ту, которую мы приписываем Витгенштейну. [Ср. Hull (1943)].

ний обыденного языка (PI, §§ 109, 122, 194) ⁴. «Философия, — говорит он, — есть борьба против очарования, которое формы выражения оказывают на нас» (BB, с. 27). Таким образом, Витгенштейн многократно предупреждает нас против впадения в заблуждение из-за внешней похожести некоторых формы выражений (BB, с. 16), и, чтобы избежать философских недоразумений, мы должны отличать «поверхностную грамматику» предложений от их «глубинной грамматики» (PI, §§ 11, 664). Например, хотя грамматика предложения «У А есть золотой зуб» существенно не отличается от предложения «У А есть больной зуб», явное сходство скрывает важные понятийные различия (BB, с. 49, 53; PI, §§ 288—293). Игнорирование этих различий приводит философов к предположению, что действительно существует проблема нашего познания других сознаний. И задача философа витгенштейновского толка — решить указанную проблему обретением ясной точки зрения о функционировании языка боли в этом и других случаях.

Метод философской терапии Витгенштейна включает в себя принятие определенной точки зрения на язык и значение. На страницах «Философских исследований» Витгенштейн говорит, что «речь при помощи языка есть вид деятельности» (PI, § 23) и что если мы способны видеть, что внешне похожие выражения играют совсем различные роли, то мы должны иметь в виду бесконечное число видов деятельности, использующей язык, или «языковых игр», в которых мы участвуем (BB, с. 67—68).

Очевидно, Витгенштейн считал, что анализ слова включает в себя демонстрацию роли или употребления этого слова в различных языковых играх, в которых оно проявляется. Он даже внушал такую мысль, что мы «думаем о словах как инструментах, определяемых их употреблением...» (BB, с. 67).

Такое понятие анализа достаточно естественно приводит к операционалистской точке зрения на значение определенных видов предикатов. Дело в том, что в случаях, когда имеет смысл говорить о предикате, который некто определил, что он применим, одна из основных языковых игр, в которую мастер поговорить научился играть, и состоит в создании и описании таких определений. Рассмотрим, напри-

⁴ Ссылаясь на часть I «Философских исследований» («Philosophical Investigations», 1953) Людвиг Витгенштейна, обозначенных здесь как PI, мы будем давать номера параграфов, например, (PI, § 13); для части II, мы будем давать номера страниц, например, (PI, с. 220). Отсылая к его «Голубой и коричневой книгам» («Blue and Brown Books», 1958), обозначенную здесь как BB, мы даем номера страниц. Ссылки на его «Заметки об основаниях математики» («Remarks on the Foundations of Mathematics», 1956), обозначенные здесь как RFM, будут включать и часть, и номер параграфа, например, (RFM, II, § 26).

мер, одну из подобных языковых игр, которые придают значение таким словам, как «длина», то есть чему-то говорящему об измерениях физических объектов. Для описания этой игры некто должен будет составить список процедур, состоящих в измерении длин; конечно, овладение (по крайней мере, некоторыми из них) такими процедурами будет составлять большую часть в изучении этой игры. «Значение слова «длина» познается при помощи других вещей, изучением того, что значит определить длину» (PI, p. 225). Вот так Витгенштейн комментирует аналогичный случай: «Здесь обучение языку означает не объяснение, а натаскивание» (PI, § 5). Для Витгенштейна: «Понимать предложение означает понимать язык». «Понимать язык значит искусно владеть техникой» (PI, § 199).

Коротко говоря, частично компетентность в языковой игре, имеющей дело с «длиной», состоит в способности установить истинность высказываний, подобных таким, как: «*X* имеет длину 3 фута», осуществляя соответствующие действия, например, с линейками, дальномерами и т. д. Философский анализ «длины» в той степени, в какой он стремится слиться с языковой игрой, затеянной вокруг этого слова, должен поэтому обратиться к действиям, которые определяют уместность высказываний о длине. В конце концов, настолько, насколько значение слова само по себе определено правилами, применяемыми в языковой игре, к которой оно принадлежит, обращение к таким действиям будет существенным для характеристики значения таких утверждений, как «3 фута длиной». Именно подобным путем мы приходим к точке зрения о том, что соответствующие действия для определения уместности предиката концептуально связаны с самим этим предикатом ⁵.

По аналогии мы можем увидеть, что анализ таких слов, как: «боль», «мотив», «сон» и т. д. будет *inter alia* ⁶ включать артикуляцию действий или наблюдения в терминах, в которых мы определяем, что некто испытывает боль, или что у него такой и такой мотив, или ему снилось и т. д. (PI, с. 224). Но, очевидно, что такие определения в ко-

⁵ Сравните: «Давайте рассмотрим то, что мы называем “точное” объяснение, в отличие от данного. Возможно ли, что нечто подобное происходит при проведении меловой линии вокруг некоторой области? При этом мы сразу же вспомним, что линия имеет толщину. Может быть окрашенная дуга будет точнее? Но выполняет ли в таком случае эта точность ту же функцию: не работает ли этот инструмент в холостую? И напомним так же, что мы еще не определили, что считать переходом этой точной границы; как, и с помощью какого инструмента, это можно установить» (PI, § 88; курсив наш). Ср. также RFM, I, § 5.

⁶ Между прочим, ко всему прочему (лат.) — Прим. перев.

нечном счете сделаны на основе поведения индивидуума, которому эти высказывания приписываются (здесь поведение берется в широком смысле, включая вербальные сообщения). Так, для Витгенштейна обращение к типичным чертам болевого поведения, на основании которых мы определяем, что некто испытывает боль, существенно для физического анализа слова «боль», также как обращение к действиям, с помощью которых мы определяем уместность таких высказываний, как: «3 фута длиной», существенно для философского анализа слова «длина». В обоих случаях мы имеем дело с концептуальным отношением, и правило языка, которое артикулирует ими, является в этом смысле правилом логики.

III

Но, что, собственно, есть такое эта логическая связь, которая как предполагает Витгенштейн, существует между болевым поведением и болью? Очевидно, связь — это не просто следование. Ясно, что Витгенштейн не думал о том, что некоторое высказывание, свидетельствующее, что личность кричит, вздрагивает, охает или стонет, может влечь за собой высказывание о том, что личность испытывает боль. Мы знаем, что Витгенштейн употреблял термин «критерий» для обозначения этой специфической связи, но нам необходимо дать объяснение этого термина.

Мы уже отмечали, что одной из центральных идей в философии Витгенштейна является «языковая игра». Вероятно, Витгенштейн пересекал поле, на котором играли в футбол, и в этот момент его посетила идея, что «в языке мы играем в игры со словами»⁷. Поскольку эта аналогия прочно доминировала в философском мышлении позднего Витгенштейна, возможно, будет уместно начать решать непростую задачу объяснения представления Витгенштейна о критерии с рассмотрения какой-нибудь определенной игры.

Возьмем, например, баскетбол. Так как цель игры состоит в набирании большего количества очков, чем соперник, то должен существовать некоторый способ сообщения, когда и с каким счетом выигрывает команда. Существует много способов сообщить, что, скажем, засчитан бросок. Кто-то может просто устремить свои глаза на табло и подождать, пока появятся два очка. Иногда кто-то понимает, что мяч был засчитан на основе реакции толпы. Но все это, в лучшем случае, лишь косвенные способы сообщения, поскольку, если мы используем их, то мы ссылаемся на кого-то еще: арбитра или других

⁷ *Malcolm N. S. Wittgenstein: A Memoire.* Oxford: Oxford University Press, 1959, p. 65.

зрителей. Очевидно, не всякий путь сообщения, в этом смысле, косвенный; и любой, кто знаком с данной игрой, знает, что обычно очко засчитывается, если мяч пролетел сквозь кольцо. И если философ спросит: «Почему факт того, что мяч вошел в корзину, показывает, что бросок засчитан?», то естественный ответ будет: «Потому что правила игры говорят об этом; именно так играют в эту игру». Мяч, проходящий сквозь корзину, удовлетворяет критерию точного броска.

Заметим, что несмотря на то, что отношение между критерием и тем, что есть этот критерий, бывает логическим или концептуальным, факт того, что мяч прошел сквозь кольцо, еще не влечет за собой засчитывания очка. Во-первых, чтобы быть засчитанным, мяч должен быть «в игре». Во-вторых, даже если мяч просочится сквозь кольцо, когда «играют», из этого не следует, что он будет засчитан, так как правила баскетбола не охватывают всевозможные ситуации. Предположим, например, что игрок делает сильный удар двумя руками, и мяч неожиданно меняет направление и после стремительного взлета и резкого снижения в воздухе, подобно полету ласточки, элегантно попадает в собственное кольцо команды игрока, лопаюсь при этом и, естественно, запутываясь в сетке. Что об этом говорят правила?

Аналогичная ситуация возникает в случае с «языковой игрой», если то, что, казалось, являлось креслом, вдруг исчезло, снова появилось и вообще вело себя странным образом. Комментарий Витгенштейна к этой ситуации таков:

Есть ли в Вас правила для этих случаев — правила, говорящие, что можно употребить слово «кресло» именно для такого вида вещи? Но чувствуем ли мы их отсутствие, когда употребляем слово «кресло», и должны ли мы сказать, что не придаем никакого значения этому слову, так как мы не вооружены правилами для любого возможного употребления?

Для Витгенштейна существование языка оправдано, «если при нормальных обстоятельствах он выполняет свою цель» (PI, § 87).

Только в обычных случаях употребление слова ясно прописано; мы знаем, вне всякого сомнения, что сказать в том или ином случае. Чем более необычным является случай, тем больше сложностей возникает с тем, что мы должны сказать (PI, § 142).

Давайте сейчас попытаемся разобраться в том, как Витгенштейн отделяет критерий от симптома, снова обращаясь к примеру с баскетболом. Предположим, что, хотя игра и в разгаре, зритель покинул свое место. Несмотря на то, что данный зритель не может видеть происходящего на поле, он тем не менее может понять, что мяч попал в корзину команды гостей, например, на основании симптома — особого гула толпы, который, по его мнению, оказался связанным с поддержкой болельщиками своей команды — хозяйки поля. Эта связь

должна быть определена, по Витгенштейну, через критерий, скажем, посредством соотнесения звуков аплодисментов с моментом попадания мяча в корзину команды гостей. Таким образом, «симптом есть некий феномен, опыт обращения с которым учит нас, что он связан тем или иным образом с феноменом, который является нашим критерием» (ВВ, с. 25). Хотя и симптомы, и критерии встречаются в ответе на вопрос «Как Вы узнаете, что это именно такой-то случай?» (ВВ, с. 24), симптомы, в отличие от критериев, открываются через ответ или наблюдение: то, что нечто является симптомом, не дано правилами «языковой игры» (не является выводимым из одних только правил). Тем не менее, сказать, что высказывание выражает симптом, означает сказать нечто и об отношениях между высказыванием и правилами, а именно, что оно не является выводимым из них. Так, Витгенштейн однажды заявил, что «в то время как выражение “Когда идет дождь, тротуар становится мокрым” вообще не является грамматическим утверждением, выражение «“Факт, что тротуар становится мокрым, является симптомом того, что прошел дождь” принадлежит области грамматики»⁸. Далее, дать критерий тому, что кто-то имеет зубную боль, означает «дать грамматическое объяснение этому слов “зубная боль” и в этом смысле предложить объяснение значения слова “зубная боль”» (ВВ, с. 24). Однако, даже при учете такого важного отличия симптомов и критериев, остается тот факт, что Витгенштейн рассматривал и симптомы, и критерии как некоторого рода «очевидности» (ВВ, с. 51).

Другие яркие особенности критерия могут быть выведены при помощи нашего наглядного примера. Рассмотрим утверждение Витгенштейна о том, что «в различных обстоятельствах мы применяем различные критерии личностного понимания» (PI, § 164). Ясно, что при разных обстоятельствах мы руководствуемся разными критериями для субъективной оценки того, засчитать тот или иной мяч, или нет. Например, вопрос, забил ли игрок мяч, может возникнуть даже в случае, если мяч пролетел совсем не рядом с корзиной: в голевой ситуации вопрос будет решаться на основании того, начал ли мяч свое падение раньше, чем игрок-защитник отбил его. В соответствии с правилами, веской причиной для того, чтобы не засчитать мяч, будет то, что мяч не достиг своего апогея, когда он был отбит.

Сейчас можно увидеть, что требование, по которому X есть критерий для Y , не есть требование присутствия (местонахождения, существования и т. д.) X в качестве необходимого условия для Y , и, кроме того, не есть требование присутствия (местонахождения, существования и т. д.) X в качестве достаточного условия для Y , хотя X ,

⁸ Moore J. E. *Philosophical Papers*. L.: Allen J. & Unwin, 1959, pp. 266–267.

как критерий Y , может оказаться необходимым или достаточным условием для Y .

Рассмотрим отмеченное Олбриттоном⁹ стремление Витгенштейна считать, что X как критерий Y есть не что иное, как Y или то, что называется Y в определенных обстоятельствах. Мы можем понять желание философа сказать, что бросок мяча в корзину в соответствующей ситуации есть не что иное как засчитывание мяча или то, что мы называем «засчитыванием мяча».

Рассмотрим сейчас отрывок из «Философских исследований» (§ 376), который содержит некоторого рода тест на «некритериальность»:

«Когда я произношу АВС для себя, существует ли критерий для того, чтобы распознать, что я делаю то же самое, что и кто-то другой, кто молчаливо повторяет алфавит для себя? Можно предположить, что одна и та же вещь имеет место в моей и его гортанях. (И, подобным образом, когда мы вместе думаем об одной и той же вещи, желаем одного и того же и т. д.) Но, в таком случае, научились ли мы употреблять слова: «сказать так-то и так-то кому-то» посредством чьего-либо указания на процесс, происходящий в гортани или мозге?»

Очевидно, нет. Здесь, полагает Витгенштейн, то, что происходит в гортани, не может быть критерием. Разумное объяснение, скрытое за этим, кажется таково: для того, чтобы постижение отдельного утверждения Y было успешным, ученик должен выучить правила употребления Y , и, тем самым, постигнуть критерий для « Y », если таковой вообще имеется. Поэтому, если обучение может быть полностью успешным, без чьего-либо знания, что X есть нечто, на основе чего некто говорит, что Y применим, X не может быть критерием для Y . Например, поскольку личность может быть обучена тому, что означает «засчитывание мяча» без информации о том, что некто в принципе может сказать, что команда-хозяйка повела в счете, по шуму со стороны болельщиков этой команды, то шум болельщиков этой команды не может быть критерием для засчитывания мячей.

Наконец, рассмотрим принцип, который Витгенштейн выдвигает для утверждения, что любое изменение критерия X ведет к изменению понятия X . В «Философских исследованиях» Витгенштейн делает удивительное утверждение:

«Существует одна вещь, о которой никто не может сказать, ни что она имеет длину один метр, ни что она не имеет длину один метр, и это

⁹ *Albitton On Wittgenstein's Use of the Term «Criterion» // Journal of Philosophy, 1959, № 56, pp. 851–854.*

есть стандарт метра в Париже. — Но это, конечно, не для приписывания какого-то экстраординарного свойства метру, а только для выделения его особой роли в языковой игре измерения с помощью метра-правила. — Давайте представим образцы цвета, хранящиеся в Париже, подобно стандартному метру. Мы определим, что “Seria” является цветом стандартной сепии и хранится в герметичном сосуде. Тогда не будет никакого смысла рассуждать о цвете этого образца, что он имеет или не имеет такого цвета» (PI, § 50).

Витгенштейн, очевидно, утверждает не только то, что смысл утверждений « x есть один метр длиной» и « x есть сепия» определяется операциями, которые детерминируют применимость соответствующих предикатов (определенные операции сравнения предметов с соответствующими стандартами¹⁰), но также, что эти операции не могут быть выполнены на самих стандартах и, следовательно, ни один стандарт не может быть образцом ни предиката, для которого он является стандартом, ни его отрицания. (Сравните: «Вещь не может быть в одно и то же время и мерой, и измеряемой вещью» [(RFM), I, § 40, примечания]).

Витгенштейн без сомнения предполагает возможность того, чтобы мы могли ввести новую языковую игру, в которой «метр» определялся бы в терминах длины волны от спектральной линии элемента криптон с атомным весом 86¹¹. В этой языковой игре, где необходимы методы высокоточного и комплексного измерения, такие как интерферометр, стандартный метр не имеет никакой привилегированной позиции: он также может быть измерен и «представлен». В этой языковой игре стандартный метр или является или не является метром. Но здесь Витгенштейн, видимо, выделил бы два смысла термина «метр». Очевидно, что то, что является метром в одной языковой игре, совсем необязательно должно быть метром в другой. Таким образом, точка зрения Витгенштейна кажется следующей: вводя некоторый критерий для чего-нибудь быть длиной в один метр, мы, тем самым, вводим новую языковую игру, новый смысл термина «метр» и

¹⁰ Выделим предположение Витгенштейна о том, что мы можем «придать выражению “неосознанная боль” смысл, обозначив эмпирические критерии для случая, когда человек испытывает боль и не осознает это» (BB, с. 55). Сравните также: «Если, несмотря на это, мы должны употреблять выражение: “эта мысль имеет место в его голове”, мы придали данному выражению смысл, описывая опыт, который подтвердит гипотезу, что данная мысль имеет место в наших головах, описывая опыт, который мы бы хотели назвать наблюдением мысли в нашем мозге» (BB, с. 8).

¹¹ Принято XI Всеобщей международной конференцией по весам и мерам осенью 1960 года.

новое понятие метра. Такая позиция подчеркнута Витгенштейном в следующем комментарии:

«Мы можем говорить об измерениях времени, в которых оно различно; так, мы можем сказать о времени более точно, чем используя лишь карманные часы, когда слова "поставить точное время на часах" определяет другое, хотя и имеющее к делу отношение...» (PI, § 88).

Возвращаясь к нашей собственной аналогии, предположим, что Национальная Университетская Атлетическая ассоциация постановила, что с данного времени мяч засчитывается даже если он пролетел сквозь корзину снизу вверх. Несомненно, это повлечет за собой изменение правил игры в баскетбол. И до некоторой степени, из-за введения этого нового критерия, правила, определяющие употребление или грамматику термина «засчитывание мяча», будут изменены. Выражаясь фигурально, (в духе самого Витгенштейна), будет сотворена новая сущность засчитывания мяча. (Ср. «Математик творит сущность» [RFM, I, § 32]). Для Витгенштейна это не только такой случай, в котором критерии, употребляемые нами, приписывают словам их обычные значения (BB, с. 57), и в котором объяснить критерии, употребляемые нами, означает дать объяснения значениям слов (BB, с. 24), но также и случай, когда для введения нового критерия для Y необходимо определить новое понятие Y ¹².

Вкратце мы можем приблизительно и схематично охарактеризовать представление Витгенштейна о критерии следующим образом: X есть критерий для Y в ситуациях типа S , если каждое значение или определение « Y » (или, как бы сказал Витгенштейн, если грамматические правила употребления « Y ») ¹³ удовлетворяют требованиям, что любой может узнать, увидеть, обнаружить или определить применимость « Y » на основе X в нормальных ситуациях типа S . Так, если упомянутое выше отношение существует между X и Y , и если кто-то допускает, что X имеет место, но отрицает Y , то представить доказательство для него означает показать, что нечто ненормальное есть в данной ситуации. В нормальной же ситуации проблемы сбора аргументов, оправдывающих выведение Y из X , просто не возникает.

¹² RFM, II, § 24; III, § 29; § I, Appendix I, § 15–16. См. также кн.: Chihara C. S. *Mathematical Discovery and Concept Formation // Philosophical Review*, 1963, № 72, pp. 17–34.

¹³ Ср.: «Личность, о которой мы говорим «он испытывает боль», есть по правилам игры личность, которая кричит, искривляет свое лицо, т. д.» (BB, с. 68).

IV

Следующий отрывок встречается в «Голубой книге» (с. 24):

«Когда мы научились употреблять фразу “у кого-то болят зубы”, нам были представлены определенные черты поведения того, о котором говорят, что у него болят зубы. В качестве примера такого поведения давайте возьмем случай, когда некто все время прикладывает руку к щеке. Предположим, что, наблюдая за человеком, я обнаружил, что в определенных случаях всегда, когда эти первые критерии говорят мне, что у него болят зубы, появлялось красное пятно на его щеке. Предположим, что я сейчас сказал кому-нибудь: “Я вижу, что у А болят зубы, у него есть красное пятно на щеке”. Он может спросить меня: “Как ты устанавливаешь наличие зубной боли, если видишь красное пятно?”. Я должен буду тогда отметить, что определенное явление всегда сопровождалось появлением красного пятна. Теперь можно спросить: “Как ты знаешь, что это именно зубная боль сопровождается постоянным прикладыванием руки к щеке?”. Ответом на этот вопрос может быть: “Я говорю, что у него болят зубы, когда он делает это, потому что я всегда держу руку на щеке, когда у меня болят зубы”. Но что, если мы будем продолжать спрашивать: “Почему ты считаешь, что его зубная боль сопровождается таким поведением, только потому, что твоя зубная боль сопровождается прикладыванием твоей руки к щеке?”. Ты будешь испытывать затруднение, отвечая на этот вопрос, и найдешь, что здесь мы столкнулись с крепким орешком, и поэтому мы заключили соглашения».

Казалось бы, что в соответствие с точкой зрения Витгенштейна, эмпирическое подтверждение требования видеть, узнавать или знать, что есть такой-то случай, основанный на некотором наблюдаемом свойстве или состоянии дел, будет опираться на индуктивные выводы из наблюдаемых соотношений, так, что если личность утверждает, что *У* имеет место на основании того, что *Х* имеет место, то отвечая на вопрос: «Почему факт *Х* свидетельствует об *У*?», он должен будет ссылаться на соглашения или наблюдаемые корреляции, связывающие *Х* и *У*. Поэтому можно поспорить с Витгенштейном о том, что возможность когда-либо сделать вывод о зубной боли человека из его поведения, требует существования критерия зубной боли, который для того, чтобы быть используемым, должен быть иногда наблюдаем. Обобщенная форма этого аргумента ведет к заключению, что «внутренний процесс» находится в зависимости от внешних критериев» (PI, § 580).

В качестве иллюстрации аргументации Витгенштейна рассмотрим следующий пример. Бывает, что измерение содержания алкоголя в крови предоставляет приемлемо достоверный указатель интоксикации. На основе этой эмпирической информации мы можем время от времени подтверждать заключение, что *Х* считается пьяным, если по-

казатель содержания алкоголя в крови выше, чем установленный процент. Но сейчас рассмотрим подтверждение заключения о том, что содержание алкоголя в крови фактически есть указатель интоксикации. По Витгенштейну, подтверждение этого требования в конечном счете должно основываться на случаях соотношения интоксикации с измерениями содержания алкоголя в крови. Но наблюдения, требуемые для этого соотношения, могут быть проведены только, если возможны независимые технические приемы для идентификации каждого из соотносящихся предметов. В каждом отдельном случае эти независимые приемы могут быть сами основаны на более отдаленных эмпирических соотношениях; мы должны подтвердить заключение о том, что содержание алкоголя в крови высоко, ссылаясь на некоторое ранее установленное соотношение между присутствием алкоголя в крови и некоторым проверенным результатом. В конечном счете, согласно Витгенштейну, мы должны полагаться на идентифицирующие технические приемы, основанные не на отдаленных эмпирических соотношениях, а скорее на дефинициях или соглашениях, которые определяют критерии для употребления соответствующих утверждений. Именно поэтому Витгенштейн может сказать, что симптом есть «феномен, обращение с которым научило нас тому, что он в той или иной степени соответствует феномену, который является нашим определяющим критерием» (ВВ, с. 25).

Похожий аргумент недавно был выдвинут Сиднеем Шумейкером, он пишет:

«Если мы знаем психологические черты других личностей вообще, мы знаем их на основе поведения (включая, конечно, их словесное поведение). Иногда мы делаем психологические утверждения о других личностях на основе физических или поведенческих черт, которые только случайно связаны с психологическими чертами, из-за которых мы относимся к ним как к свидетельству. Но мы делаем это только потому, что мы обнаружили или думаем, что обнаружили, эмпирические соотношения между физическими (телесными и поведенческими) чертами определенного рода и психологическими чертами определенного рода. И если все взаимодействия между физическими и психологическими чертами были случайны, то для нас было бы невозможно найти такие соотношения... Поскольку некоторые связи между физическими и психологическими состояниями не случайны и могут быть известны раньше, до открытия эмпирических соотношений, мы не можем иметь даже косвенного индуктивного свидетельства истинности психологических высказываний о других личностях и не можем знать, истинны ли такие высказывания или только возможно истинны»¹⁴.

¹⁴ *Schoemaker S. Self-Knowledge and Self-Identity. Ithaca, N. Y., Cornell University Press, 1963, pp. 167–168.*

Малколм возражает в той же манере в книге «О сновидении»¹⁵.

Конечно, Витгенштейн не требовал, чтобы все предикаты допускали критерии применимости. Например, Витгенштейн, возможно, не предполагал, что мы, вообще, видим, говорим, определяем или знаем, что нечто является красным на основе или критерия, или симптома. Относительное различие между приписываниями «красного» и приписываниями «боли» третьему лицу — это то, что мы вообще видим, узнаем, определяем или знаем, что другой испытывает боль на основе чего-то, что само по себе не является болью (как, например, поведение и обстоятельства), в то время как, если имеет хоть какой-нибудь смысл говорить, что мы вообще видим, узнаем и т. д., что объект красный на основе чего-то, как может это что-то быть другим, отличным от красноты этого предмета? Но употребление Витгенштейном термина «критерий», кажется, устраняет красноту из критерия красноты. Если кто-то спросит: «Почему ты знаешь или говоришь, что предмет красный?» — это не будет вообще ответом сказать: «по его красноте». (Ср. комментарий Витгенштейна, что приемлемым ответом на вопрос «Почему я знаю, что этот цвет красный?» будет: «Я учил английский» [PI, § 381].) Очевидно, некоторые предикаты цвета и вообще то, что мы иногда называем предикатами «чувственных данных» (те, которые могут применяться, как некоторые философы формулируют это, *непосредственно*), должны выдержать натиск аргументов выше названного типа. Но утверждения, с помощью которых мы определяем «внутренние состояния» другой личности, не являются утверждениями того же рода. Некто узнает, что другой находится в определенном ментальном состоянии *Y* на основе чего-то, скажем, *X*. Теперь допускается, что *X* должен быть или критерием, или симптомом *Y*. Если *X* симптом, то должно быть известно, что он соотносится с *Y*, и, в таком случае, мы можем выяснить путь, по которому это соотношение было установлено. Опять-таки, *X* должен быть наблюдаем для соотношения с критерием *Y* или симптомом для *Y*. По второй версии, может быть установлено, что *X*₁ есть симптом *Y*... Такая цепочка может быть любой длины, какая вам нравится, но она не может продолжаться беспредельно. Поэтому, в некотором смысле, мы должны придти к критерию *Y*. Но раз этот вывод был допущен, то не будет разумной антискептической альтернативы для логического бихевиоризма Витгенштейна, так как если «внутренние» состояния требуют «внешних» критериев, то поведенческие критерии являются единственно реальными кандидатами.

¹⁵ *Malcolm N. S. Dreaming*. L.: Humanities Press, 1959, pp. 60–61.

V

Как опровержение скептицизма, выше приведенные аргументы, конечно, не будут работать, ибо, в лучшем случае, они поддерживают позицию Витгенштейна только при предположении, что скептик неправ. Это свидетельствует о том, что должны существовать критерии для психологических утверждений, однако при допущении того, что такие утверждения иногда употребляются оправданно. Скептик, который признает аргументацию из 4-й части, может поддержать свою позицию, только признав, что никто не может иметь никакой идеи того, что покажет или даже укажет, что некто другой испытывает боль, мечтает, думает и т. д. В этой части мы покажем, как Витгенштейн доказывает, что такой шаг приведет скептика к абсурдному заключению о том, что должно быть возможно узнать значение этих психологических предикатов.

«На что это будет похоже, если человеческие существа внешне не показывали бы признаков боли (не стонали, не гримасничали и т. д.)? В этом случае становится невозможным научить ребенка употреблению слова «зубная боль»» (PI, § 257). Только представьте себе попытку объяснить ребенку значение термина «зубная боль», имея в виду, что нет абсолютно никакого пути сказать, что ребенок — или кто-либо еще — действительно испытывает боль. Как кто-нибудь вообще будет делать это, если ни у кого нет причины верить, что какое-то серьезное нарушение в деятельности органов тела причиняет боль или что крик, вздрагивание и тому подобное, обозначают боль? («Как могу я придти даже к понятию опыта у другого человека, если нет никакой возможности найти свидетельств в пользу этого?») [BB, с. 46; ср. также BB, с. 48]

Итак, что же покажет нам, что ребенок понял, о чем идет речь? Если что-то такое действительно есть, то аргумент из 4-й части указывает на существование критерия достижения успеха в обучении ребенка. (Как сказал Витгенштейн в аналогичном случае: «Если я передаю словами свои ощущения кому-то еще, не должен ли я для того, чтобы понять, что я сказал, знать, что я мог бы назвать в качестве критерия достижения успеха этого сообщения?») [BB, с. 185]) Но единственным вероятным критерием этого могло бы быть то, что ребенок употребляет эти психологические предикаты правильно (сравните PI, § 146); и хотя, по мнению скептиков, не существует пути познания того, правильно ли ребенок употребляет такие высказывания, остается только принять, что никак нельзя показать или указать, что ребенок понял, что обозначают эти термины.

Сейчас мы имеем основание для объяснения значения слова «логический», которое включено в определение скептицизма как ло-

гически противоречивого учения. То, что Витгенштейн имеет в виду, — это не то, что «*P* и не-*P*» строго выводимы из позиции скептика, а, скорее, то, что скептический взгляд предполагает отклонение от правил в употреблении ключевых терминов. В частности, Витгенштейн имеет в виду, что если скептики были бы правы, то предварительные условия объяснения значения ментальных предикатов нашего обычного языка не могли бы быть выполнены¹⁶.

Сейчас рассмотрим также точку зрения, которая утверждает, что скептическая позиция должна предполагать совершенно необычное и вводящее в заблуждение употребление ментальных предикатов. Скептическая точка зрения логически несовместима с действием правил обычного языка, применяемым к этим терминам, и эти правила определяют их значения. (Ср. «То, что мы делаем — это возвращаем слова назад от их метафизического к их повседневному употреблению» [PI, § 116]) Как определил Витгенштейн точку зрения скептика, последний не предполагает наличия критерия, связанного с третьей личностью, когда отрицает, что он может знать, что кто-то другой испытывает страдания (Ср. PI, § 272). Скептик искушает нас картиной, описывающей ситуацию как введение «барьера, который не разрешает одной личности подходить ближе к восприятиям другой, чем уровень наблюдения за ее поведением»; но по Витгенштейну, «посмотрев повнимательнее, мы находим, что не можем сконцентрироваться на картине» (BB, с. 56); точнее, значение не может быть приписано скептическому требованию: нельзя придать смысл гипотезе, что другие люди испытывают «боль», в том смысле, в каком скептик употребляет термин «боль» («Ибо, как я могу выдвинуть гипотезу, если это превосходит всякий возможный опыт?» [BB, с. 48]) И когда скептик говорит: «Но если предположить, что некто испытывает боль, это означает, что я просто предполагаю, что у него как раз то, что я так часто чувствовал», то Витгенштейн может ответить:

«Это не ведет нас вперед. Это так, как если бы я собирался сказать: “Вы, конечно, знаете, что означает «5 часов здесь»; поэтому вы также знаете, что означает «5 часов на солнце». Это означает просто, что время здесь, как и там, является таким же, когда бывает 5 часов”. Объяснение при помощи *отождествления* здесь не работает. Так как я достаточно хорошо знаю, что кто-то может называть 5 часов здесь и 5 часов там,

¹⁶ Ср.: «Прежде чем я установлю, что два образа, которые у меня есть, одинаковые, я должен признать их в качестве одинаковых... Только если я смогу выразить свое признание каким-то иным способом, и если возможно кому-нибудь еще объяснить мне, что слово “одинаковый” и есть правильное слово в данном случае» (PI, § 378).

“одним временем”, но я не знаю, в каких случаях нужно говорить о существовании одного и того же времени здесь и там» (PI, § 350).

Таким образом, мы можем видеть, как Витгенштейн поддерживает свой логический бихевиоризм: аргумент из 4-й части служит для показа того, что единственной возможной альтернативой философской психологии Витгенштейна является радикальный скептицизм, но аргумент, приведенный в этой части, исключает такую возможность. Так, для Витгенштейна «личность, о которой мы говорим: “он испытывает боль”, по правилам этой игры, есть личность, которая кричит, гримасничает и т. д.» (BB, с. 68).

Без сомнения, философы находят много утешительного и привлекательного в философской психологии Витгенштейна, но в этой доктрине есть и трудности, которые умаляют ее достоинство. К рассмотрению некоторых из них мы сейчас и перейдем.

VI

В этой части мы будем рассматривать некоторые следствия применения точек зрения, только что обсуждавшихся в связи с анализом сновидения, и мы попытаемся показать, что заключения, к которым приводят эти точки зрения, являются контр-интуитивными.

По Витгенштейну, мы обязаны истолковывать понятие сна в терминах языковой игры рассказа о сне. Так, распоряжаться употреблением слова «сон», означает совершенно точно знать, то есть обнаружить, что некто спал, рассказать, что некто видел во сне, описать чьи-то собственные сны и т. д. Отрывки из «Философских исследований» (например, PI, с. 184, 222–223) показывают, что для Витгенштейна критерием чьего-либо сна является описание этого сна. В соответствии с этим анализом скептические сомнения о снах возникают тогда, когда мы тщетно пытаемся понять логическую связь утверждений о снах с утверждениями об описаниях снов. Скептик трактует описание сна как, в лучшем случае, эмпирический коррелят явления сна: симптом, который в любом событии не заслуживает доверия больше, чем память о субъекте, рассказывающем сон. Но, по Витгенштейну, если мы однажды поняли критериальное взаимодействие между описанием сна и сном, то мы видим, что «не может возникнуть вопроса о том, обманывает ли память человека, который видел сон, самого этого человека, когда после пробуждения он рассказывает сон...» (PI, с. 222). (Ср. «Стоит только нам понять правила игры в шахматы, как вопрос о том, выиграл ли игрок, когда он объявил мат, не может быть понят».)

Правила, определяющие критерий для употребления слова «сон», устанавливают логическое взаимодействие между сном и описанием

снов. Более того, набор таких правил выбирает языковую игру, в которой «сон» выполняет некоторую роль и поэтому определяет значение слова.

Важно отметить, что существует множество *prima facie* возражений против этого анализа, которые, хотя и не очень убедительны, подготавливают почву для сомнения в тех доктринах, которые ведут к нему. Хотя, наверное, мы можем научиться жить согласно этим доктринам, где никакой другой анализ недоступен, при рассмотрении с удобной позиции другой альтернативной теории, обнаруживаются серьезные проблемы в позиции Витгенштейна.

(1) При отсутствии критерия для использования от первого лица многих психологических предикатов («боль», «желание» и тому подобное), непонятно, как должны быть описаны те аспекты от первого лица, которые играют с этими предикатами. Витгенштейн не собирается демонстрировать очевидной выгоды от использования утверждений, пригодность которых не определена критериями. С другой стороны, попытка охарактеризовать «я видел сон» как утверждение, управляемое критерием, немедленно приводит к нелепостям. Так, в книге «О сновидении» Малкольма утверждается следующее:

«Если человек просыпается под впечатлением многих увиденных и сделанных вещей, и если известно, что он не видел и не делал этих вещей, то ясно, что он видел их во сне... Когда он говорит: "Я видел то-то и то-то", он подразумевает, во-первых, что при пробуждении ему кажется, что то-то и то-то с ним как будто бы происходило, и во-вторых, что нечто не происходило» (с. 66).

То, что это невероятно контр-интуитивный анализ нашего понятия сновидения, едва ли нуждается в разъяснении. Мы просим нашего читателя рассмотреть следующий пример: Некто время от времени испытывает странное чувство, что совсем недавно он слышал и видел своего отца, зовущего его вернуться домой. Однажды утром он встает с этим ощущением, зная очень хорошо, что его отец умер. Теперь Малкольм просит нас поверить, что человек должен был видеть сон, что он видел и слышал своего отца: по общему мнению, это будет логически абсурдно — требовать от него иметь это ощущение и отрицать, что он видел это во сне!

(2) Мнение Витгенштейна, по-видимому, предполагает, что никакого смысла не может быть извлечено из таких высказываний, как: «Джонс совсем забыл сон, который видел прошлой ночью», хотя у нас, кажется, не должно быть критериев для определения истинности такого заявления. (Мы имеем в виду случай, когда Джонс совсем не может вспомнить свой сон и не было обнаружено в его поведении никаких проявлений сновидения.) Иногда отрицается, что наблюдения

за тем, что люди обычно говорят, соотносятся с описанием обыденного языка. Но насколько суждения о нашем мнении восприимчивы к опытным опровержениям, настолько заявление о том, что мы будем сомневаться в том, что некто совсем забудет свой сон, по-видимому, является ложным¹⁷.

(3) Метод рассмотрения понятий у Витгенштейна, несомненно, неинтуитивный. Рассмотрим вновь анализ сна у Малкольма. Малкольм признает, что иногда, на основе поведения личности во время сна, мы говорим, что человек видит сон, даже если он не в состоянии воспроизвести сон, проснувшись. Но в таких случаях Малкольм пишет: «наши слова не имеют ясного смысла» («О сновидении», с. 62). С другой стороны, Малкольм допускает, что есть смысл в термине «кошмар», при котором поведение во время сна и есть критерий этого сна. Тем не менее, различное понятие сна, предположительно, присутствует в этом случае. Аналогичная ситуация рассматривается в «Голубой книге» (с. 63), где Витгенштейн пишет:

«Если человек старается последовать приказу: “Укажи на свой глаз”, он может сделать множество различных вещей, и существует много различных критериев, которые он признает для указания на глаз. Если эти критерии, как это обычно бывает, совпадают, я могу использовать их попеременно, и в различных вариантах, для демонстрации того, что я дотронулся до глаза. Если они не совпадают, я должен буду различать по смыслу: “Я дотронулся до своего глаза” и “Я направил свой палец к своему глазу”».

Следуя этому совету Витгенштейна, Малкольм выделяет не только различные смыслы термина «сон», но также различные понятия сна — одно, основанное на сообщении, другое, основанное на несловесном поведении. Но, несомненно, это неестественный путь рассмотрения понятий. Возьмем два понятия сна Малкольма для случая, в котором кажется достаточно естественным сказать, что было использовано специальное понятие сна, а именно, когда мы говорим о находящемся в зимней спячке медведе, что он спит целую зиму.

¹⁷ Рассмотрим следующее: «Пока не наступила ночь, и я не открыл дверь, я помнил все мои сны. Вскоре после этого, я перестал вспоминать их. Я все еще спал, но мое пробуждающееся сознание утаило само от себя то, что сон показывал. Если повторяющийся кошмар железной решетки разбудил меня, я узнал его. Но если какой-нибудь другой кошмар нарушил мой сон, то к утру я забыл, что это было. И обо всех других снах, которые приснились мне ночью, я не помнил ничего» (*Windham D. Myorpha // The New Yorker*, 39, 1963, July 13, pp. 25–29)

(4) Как показывает Малкольм, языковая игра, происходящая сейчас со «сном», по-видимому, не выявит критерия, который будет способен определить точную продолжительность снов. Так, вероятно, следует отметить (как заметил Малкольм), что ученые, которые пытались ответить на такие вопросы, как: «Как долго длилось сновидение?» — были вовлечены скорее в понятийные замешательства, чем эмпирические определения. На такие вопросы невозможно ответить без выбора критериев, приписывающих соответствующие свойства снам. Но, так как, с точки зрения Витгенштейна, выбрать такие новые критерии для употребления слова, означат, в определенной степени, изменить его значение, то из этого следует, что понятие «сон», которое эти исследователи использовали, не простое, и поэтому измерения, которые они проводят, строго говоря, не являются измерениями снов¹⁸. Мнение о том, что выбирая любой тест для сна, который включает свойства снов, неотделимо от сообщения о сне, и в связи с этим изменяет понятие сна; по-видимому, это идет вразрез с нашими представлениями о целях психологического исследования. Не сразу становится ясным, что психолог, который говорит, что он нашел измерение продолжительности снов, *ipso facto* впадает в обманчивую двусмысленность¹⁹.

(5) Рассмотрим тот факт, что такие измерения, как EEG²⁰, движения глаз и «сон-поведение» (шептание, беспокойное метание и т. д. во время сна) разумно и надежно устанавливают соотношение друг с другом и рассказами о снах. Отношение между, скажем, EEG и рассказами о снах очевидно не являются критериальными; никто не знает, что EEG есть критерий для рассказов о сне. Вероятно то, что, по

¹⁸ В книге «О сновидении» Малкольм приводит несколько возражений, не найденных в опубликованных работах Витгенштейна, против точки зрения о том, что психологи, пытающиеся найти методы измерения продолжительности снов, должны использовать термин «сон» вводящим в заблуждение и необычным способом. Для ответа на эти возражения см.: *Chihara C. S. What Dream Are Made on? // Theoria, 1965, № 31, pp. 145–158*. См. также критику Патнэмом Малкольма: *Putnam H. Dreaming and Dept Grammar // Analytical Philosophy / Balter R. G. (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1962, v. 1, pp. 211–235*.

¹⁹ Неправдоподобие этой точки зрения становится более явным, когда Витгенштейн применяет ее в своей философии математики для того, чтобы заключить, что каждая новая теорема о некотором понятии изменяет это понятие или вводит новое понятие. Когда представлению о понятийном изменении позволяют заходить столь далеко, становится трудно видеть, что существует нечто, свидетельствующее о том, что понятийное изменение действительно имело место. [Ср.: *Chihara C. S. (1963)*]

²⁰ Сокращение слова «электроэнцефалограмма». — *Прим. перев.*

мнению Витгенштейна, EEG снабжает нас, в лучшем случае, симптомом положительных рассказов о снах; и симптомы, по общему мнению, были обнаружены благодаря наблюдению свидетелей происходящего. Трудность, тем не менее, такова, что делает неясным то, как ожидание, что такое соотношение должно применяться, могло быть рациональным ожиданием даже *раньше*, чем это соотношение было экспериментально подтверждено. Никто не может сделать индуктивного обобщения без наблюдений; в этом случае не использовался какой-либо «охватывающий закон» высшего уровня для предположения возможности соотношения между EEG и рассказами о снах. При помощи анализа Витгенштейном понятия сна исследования психологов о природе снов делаются не только мистическими, но даже их экспериментальные предсказания, которые должны быть *истинными*, кажутся иррациональными.

Трудности, о которых мы упомянули, не являются исключительно свойственными витгенштейновскому анализу снов. Они аналогичны трудностям при анализе ощущения, восприятия, намерения и т. д. Так или иначе эти трудности могут быть устранены; в некотором смысле, их упоминание дает повод для перепроверки более глубоких доктрин, на которых основывается анализ Витгенштейном психологических терминов.

VII

Аргумент Витгенштейна в IV-й части опирается на посылку, что если мы убедились в том, что некто может рассказывать, узнавать, видеть или определить, что «*Y*» употребляется на основе присутствия *X*, тогда или *X* есть критерий *Y*, или наблюдения показывают, что *X* связан с *Y*. Витгенштейн не дает никакого объяснения этой посылке в своих опубликованных работах. Вероятно, некоторые философы находят это самоочевидным и поэтому не нуждающимся в объяснении. Мы, с другой стороны, далекие от предположения, что эта посылка самоочевидна, считаем ее ложной. Рассмотрим некий стандартный инструмент, употребляемый для обнаружения высокой скорости заряженных частиц в пузырьковой камере Вильсона. В соответствии с современными научными теориями, образование очень маленьких, тонких струек тумана на стеклянной поверхности инструмента свидетельствует о проходе заряженных частиц через камеру. Очевидно, что образование этих полосок для Витгенштейна не критерий присутствия и движения частиц в приборе. То, что некто может обнаружить эти заряженные частицы и найти их следы при помощи таких механизмов, конечно, ни при каком полете фантазии, не является *концептуальной* истиной. Вильсон отнюдь не узнал, что означает «путь за-

ряженной частицы», благодаря пузырьковой камере: он *открыл* метод, и открытие зависело от признания эмпирического факта, что ионы могут действовать как центры ионизации в очень насыщенном паре. Так, если применять собственный тест Витгенштейна для не-критериальности (см. выше), то окажется, что образование следа в камере не может быть критерием наличия и движения заряженных частиц.

Совершенно ясно, что основой принятия таких полосок в качестве индикаторов пути частиц являются ненаблюдаемые взаимодействия между полосками и некоторым критерием движения заряженных частиц. (Какой критерий определения пути электрона мог употребить Вильсон для установления таких взаимодействий?) Скорее, ученые могли бы дать в виде гипотезы потрясающие объяснения образования полосок: высокоскоростные, заряженные частицы прошли сквозь камеру; по этой гипотезе были сделаны дальнейшие предсказания, они были проверены опытом и подтверждены; никакое другое объяснение невозможно и т. д.

Такие случаи подтверждают, что Витгенштейн не был в состоянии просчитать все возможные виды ответов на вопрос: «Что является оправданием требования, что некто может рассказать, узнать или определить, что Y применяется на основе наличия X ?». Так, там, где Y является предикатом «существует путь высокоскоростной частицы», X может и не быть ни критерием, ни коррелятом.

Сторонники Витгенштейна могут попытаться возразить, что следы в камере Вильсона на самом деле являются наблюдаемыми критериями или симптомами, служащими для связи с критерием путей движения заряженных частиц. Для устранения контраргумента такого вида, мы хотим подчеркнуть, что только что приведенный пример отнюдь не является идиосинкратическим. Читатель, который не удовлетворен этим, может просто придумать другие примеры из истории науки. Проблема здесь состоит в нахождении такой возможности оправдания, которая не состоит ни в обращении к критериям, ни в обращении к наблюдаемым соотношениям. Если рассмотренный нами аргумент Витгенштейна кажется неотразимым, то должны быть представлены некоторые основания для полноты этих видов оправдания. Это, как будет показано, не удалось сделать Витгенштейну.

Стоит обратить внимание, что положительное решение проблемы, поднятой в VI.5, могло быть получено только при рассмотрении эксперимента со снами и EEG по аналогии со случаем с камерой Вильсона. Так, мы можем увидеть, что возможен случай, при котором соотношение EEG с рассказами о снах было предопределено до наблюдения. Рассказ о сне был взят исследователями в качестве индикатора психологического явления, произошедшего перед сном. Соображения по поводу взаимодействия корковых и психологических явлений, а

также теория EEG, позволили предположить, что EEG может дать указатель наличия снов. Из гипотезы о том, что рассказы о снах и сообщения EEG свидетельствуют об одних и тех же психологических событиях, может быть выведено, что они должны быть достоверно соотношены одно с другим, и это заключение должно быть фактически верным.

Эта ситуация вовсе не является необычной в случае с объяснениями, сделанным на основе теоретических выводов о событиях, базирующихся на наблюдаемых комплексах симптомов. Как указывают Миил и Кронбах, в таких случаях обоснованность «критерия» часто такая же, как и обоснованность указателей, которые должны быть соотношены с ним ²¹. Удачное предсказание соотношения на основе требования общей этиологии берется и в качестве свидетельства существования причины, и в качестве индикатора обоснованности каждой из сторон как указатель их наличия.

В случае такого рода, оправдание экзистенциальных утверждений не является тождественным ни обращению к критериям, ни обращению к симптомам. Такие оправдания скорее всего зависят от обращения к простоте, правдоподобию и предсказуемой адекватности объяснительной системы в целом, поэтому неверно будет сказать, что отношения между утверждениями, которые связаны такими объяснениями, являются или логическими в понимании Витгенштейна, или случайными в смысле, в котором этот термин предполагает простую корреляцию.

Мы постоянно подчеркиваем, что существуют примеры обосновывающей аргументации, которые нелегко идентифицируются с обращениями к симптомам или критериям, и которые ни при каком рассмотрении на покоятся на таких обращениях. В этих аргументах экзистенциальные утверждения о состояниях, событиях и процессах, которые непосредственно *не* наблюдаемы, доступны подтверждению, несмотря на тот факт, что между предикатами, описывающими такие состояния, и предикатами, пригодность которых *может* быть явно наблюдаема, не устанавливается *логическое* отношение. Есть искушение считать, что в таких случаях, в которых должен быть критерий, должна быть также и некоторая сеть возможных наблюдений, которые будут приводиться в порядок для того, чтобы удостовериться: употребляются ли теоретические предикаты. Но мы поддаемся этому ис-

²¹ Cronbach H. J., Meehl P. M. Construct Validity in Psychological Tests // *Minnesota Studies in the Philosophy of Science* / Feigl H., Scriven M. (eds.). Minneapolis: University of Minnesota Press, 1956, v. 1, pp. 174–204. Мы следовали употреблению Миилом и Кронбахом терминов «достоверность» и «обоснованность» так, что *достоверность* является мерой корреляции между критериями, в то время как *обоснованность* есть мера соотношения между критерием и конструкцией, существование которой предполагается определить.

кушению, принимая без доказательства условные определения и умозрительные конструкции, которым удастся соответствовать чему-нибудь, что мы можем обнаружить в ряду эмпирических аргументов. Контр-интуитивные черты философского анализа основаны на предположении, что должны существовать критерии, вообще не являющиеся выводами, основанными на глубокой методологической интуиции, а скорее являющиеся проекцией несовершенной философской теории обоснования.

VIII

Могут сказать, что выше приведенные примеры не являются контр-примерами для витгенштейновской посылки относительно критериальной корреляции, поскольку сам Витгенштейн мог иметь намерение использовать свой принцип только для случаев с терминами обыденного языка, которые, как должно казаться, не функционируют в рамках теории. Наверное возможно иметь индикаторы, которые не являются ни критериями, ни симптомами таких высокотеоретических сущностей, как электроны и позитроны, но термины, употребляемые обычными людьми в повседневной жизни, явно (?) относятся к другой категории. (Заметьте, что Витгенштейн считает «выдвижение научных гипотез и теорий» другой «игрой», отличной от таких «языковых игр», как «описание события» и «описания непосредственного опыта» [ВВ, с. 67–68; PI, § 23].) Следовательно, Витгенштейн мог бы утверждать, что критерии необходимы только в случае с обычными языковыми терминами.

Как только обращают внимание на предварительные требования Витгенштейна для критериев, становится очевидным, что в конце концов могут быть найдены альтернативы анализу Витгенштейном ментальных терминов обыденного языка. Возможно, то, что мы познаем в процессе обучения значению таких терминов, как «боль» и «сон», не является критериальной связью, точно проецирующей эти термины на характерные черты поведения. Напротив, мы можем сформировать комплекс концептуальных связей, которые охватывают широкий круг ментальных состояний. Это относится к такой концептуальной системе, к которой мы обращаемся, пытаясь объяснить поведение какого-либо человека, ссылаясь на его мотивы, намерения, убеждения, желания или чувства. Другими словами, изучая язык, мы развиваем целый ряд сложно взаимосвязанных «ментальных понятий», которые употребляем, имея дело с, соглашаясь с, понимая, объясняя, интерпретируя и т. д. поведение других человеческих существ (так же как и свое собственное).

В процессе овладения этими ментальными понятиями, мы развиваем целое разнообразие связанных с ними мнений. Такие мнения проявляются в виде экспектаций о том, как люди вероятнее всего поведут себя. Так как только часть этих мнений может быть проверена должным образом, то мнения и концептуальные системы, в которых они проявляются, подлежат исправлению или изменению в результате нашего постоянного контакта с другими людьми. В соответствии с этой точкой зрения, успешное объяснение поведения, на основе которого употребляются ментальные предикаты, можно рассматривать как предоставляющее *свидетельства* наличия постулируемых ментальных процессов. Это достигается путем соответствия концептуальной системы терминам, в которых понимается этот процесс. В этом случае поведение будет аналогом следов в пузырьковой камере, на основе которых мы делаем вывод о существовании и движении заряженных частиц. Соответственно, концептуальная система аналогична физической теории, в которой описаны свойства этих частиц.

Если нечто подобное этому может быть верно, то, в конце концов, теоретически возможно будет реконструировать и описать соответствующую концептуальную систему, и затем добиться подтверждения, что эта предполагаемая система фактически работает у англоговорящих людей. Например, подтверждение может идти через обычные методы прочтения концептуальных отношений предполагаемой системы и как *противопоставление* их лингвистической интуиции говорящих на родном языке. Таким образом, показывая, что некая определенная концептуальная система функционирует, получается, что некоторые утверждения поразят своей бессмысленностью людей, говорящих на родном языке, другие покажутся необходимо истинными, следующие — амбициозными, еще одни — эмпирически ложными и т. д., и все они будут проверяемы.

Для того, чтобы подчеркнуть, что не существует критериальных связей между болями и поведением, совсем не необходимо обращать внимание на то, что если люди кричат, потому что им больно, то что лишь случайный факт (в том смысле, в котором именно случайным фактом является то, что большинство книг в моей библиотеке не прочитаны). Мнение, что другие люди испытывают страдания, небесполезно, даже в случае, если не существует критериев боли. Напротив, оно предполагает единственно возможное объяснение известных мне фактов о том, как они ведут себя, и *vis a vis* ²² видов ситуаций, которые я считаю болезненными. Эти факты, конечно, являются очень сложными. «Болевой синдром» включает не только взаимосвязи между различными видами поведения, но также и более глубинные отно-

²² Напротив (франц.) — Прим. перев.

шения между болью и мотивацией, пользой и желаниями. Более того, я ожидаю, что должны существовать компоненты этого синдрома, отличные от тех, с которыми я сейчас знаком. Я должен выдвинуть объяснение надежности и полезности указанного синдрома, объяснение, которое относится к тому, что сопровождает боль. Здесь, также как и в любом другом случае, «внешний» синдром нуждается в некотором внутреннем процессе.

Таким образом, по крайней мере, возможно представить, что процессу обучения детей ментальным предикатам должен быть дан не-витгенштейновский подход. (Достаточно заметить, что факт возможности предложения такого подхода, свидетельствует о существовании альтернативы доктрине Витгенштейна.) Например, если понятие сновидения *inter alia* относится к внутреннему событию, имеющему место в течение определенного промежутка «реального» времени, которое определяет такое невольное поведение, как стон и роптание во время сна, метание и т. д., и которое вспоминается, когда кто-либо правдиво рассказывает о сне, то существует ряд путей, в соответствии с которыми можно предположить, что ребенок «получает» это понятие другим, отличным от изучения критерия для применения слова «сновидение», способом. Возможно, что многие дети обучаются тому, что такое сон, когда им говорят, что таковым именно является только что полученный ими опыт. Вероятно также, что многие дети, имеющие представление о том, что такое воображение и сон, обучаются тому, что такое сновидение, когда им говорят, что это есть нечто подобное «воображению» во время сна.

Но следует ли отсюда, что дети обучаются тому, что такое сновидение, из своего собственного опыта? Если этот вопрос является скорее логическим, чем психологическим, то ответом на него будет «Не обязательно»: ребенок, который никогда не видел снов, но который является очень сообразительным, может понять, что такое сон на основе определенного типа теоретических выводов, которые мы выше описывали. Это происходит в силу того, что наше понятие «сновидения» является ментальным событием, имеющим различные свойства, которые требуются для объяснения характерных особенностей синдрома поведения во время сна. Например, сновидения, которые являются достаточно продолжительными, заставляя людей бормотать или метаться во время сна, могут быть описаны в визуальных, слуховых или осязательных терминах, иногда запоминаются, иногда нет, иногда иное рассказывают, иногда нет, иногда они прерываются, будучи еще незавершенными и т. д. Но если существуют определенные типы фактов, характеризующие наше понятие сна, то в принципе нет ничего такого, что могло бы помешать ребенку, не видевшему сновидений, тем не менее придти к данному понятию.

Подобное можно сказать и относительно того, как обучаются терминам ощущений, таким как «боль», и таким «квази-диспозиционалам», как «иметь мотив». В каждом случае, поскольку особенности, которые мы на самом деле приписываем таким состояниям, процессам или диспозициям, являются такими особенностями, о которых мы знаем, что они должны наличествовать, если только они выполняют свою роль в объяснении, этиологии и т. д., представляется, что нет ничего такого, чему в принципе не мог бы научиться ребенок, применяя описанные выше рассуждения, и, следовательно, ничего такого, чему можно научиться лишь на основе аналогии со своим собственным случаем.

Могли бы быть выдвинуты аргументы в пользу того, что невероятно сложно обосновать позицию, альтернативную обсуждавшимся взглядам Витгенштейна. Поскольку, дети усваивают сложные концептуальные образования, наша теория требует понимать и использовать ментальные предикаты. В силу этого, естественно, дети должны были бы изучать данную систему. Такой процесс обучения будет очень сложным. На самом же деле детям не требуется никакое специальное обучение, и, следовательно, мы должны будем заключить, что наш критерий, альтернативный витгенштейновскому, является шатким.

Однако, данный аргумент может быть до некоторой степени ослаблен, если мы рассмотрим постижение ребенком, например, грамматики естественного языка. Ясно, что посредством некоторого процесса мы сейчас только начинаем понимать, что ребенок на основе относительно короткого «обращения» к высказываниям своего языка, развивает способности для создания и понимания «новых» предложений (предложений, которых он до сих пор не слышал). Развитие таких способностей, насколько мы можем судить, вовлекает «использование» внутренней системы лингвистических правил значительной общности и сложности²³. Нельзя отрицать, что ребенок не учится (в обычном смысле) такой системе правил. Представляется, что эти способности развиваются в ребенке естественно в ответ на контакт с относительно небольшим числом предложений, используемых в повседневной жизни²⁴. Заметим, что сложность таких систем правил не является искусственно созданной в силу неудовлетворительной теории языка; факт развития способностей ребенка показывает, что соответствующее «естественное» развитие системы может не требовать

²³ Эта точка зрения поддается прямой опытной проверке, т. к. может быть продемонстрировано, что в анализе восприятия речь рассматривается в сегментах, которые точно соответствуют сегментации, принятой в грамматике.

²⁴ Ср.: Chomsky H. Review of Skinner's «Verbal Behavior» // *Language*, 1959, № 35, pp. 26—58.

наличия учителя, как это необходимо, например, в случае с исчислением или квантовой физикой.

IX

Видно невооруженным глазом, что этот бесспорно небихевиористский взгляд избегает все трудности, которые мы обнаружили, рассматривая анализ Витгенштейном ментальных предикатов. Таким образом, не возникло бы проблемы нарушения симметрии между употреблением слова «сновидение» от первого и третьего лица, описанной в части IV-й, поскольку не требовалось бы формулировать критерий для « X видел сны», какие бы значения X не принимал: у нас нет особой проблемы в определении значения выражения «Я вижу сон», хотя «сон» в этом контексте означает только то, что он означает в контексте третьего лица, а именно, «серию образом или эмоций, имеющих место во время сна». Теперь понятно, почему люди считают такие замечания, как «Джон совсем забыл, что он видел во сне прошлой ночью», вполне разумными. Даже ясно, как подобные утверждения могут быть подтверждены. Предположим, например, что существует неврологическое состояние A , такое, что имеется очень сильная корреляция между наличием A и таким поведением человека во время сновидений, как метание во время сна, крик во сне, рассказ о сновидениях и т. д. Предположим также, что существует некоторое неврологическое состояние B такое, что всякий раз, когда B происходит, восприятия, предмет которых предшествовал B , забываются. Наконец, предположим, что иногда мы наблюдаем последовательности A , B и что такие последовательности не сопровождаются рассказами о снах, хотя явление A сопровождается другими характерными чертами поведения во время сновидений. Кажется очевидным в таком случае сказать, что субъект видел сон и забыл его. И, хотя мы сформулировали не критерий сновидения, а только синдром поведения во время сна, связанного с некоторым внутренним психологическим событием, мы не должны бояться сказать, что мы изменили значение выражения «сновидение». Оставим это читателю для проверки того, что другие возражения, поднятые нами против витгенштейновского анализа «сновидения», также неприменимы к данной доктрине.

Таким образом, поскольку мы отвергли аргументы в пользу критерияльной связи между утверждениями о поведении и утверждениями о психических состояниях, остается открытым вопрос, не является ли употребление психологических терминов обыденного языка на основе наблюдения за поведением разновидностью теоретического вывода о ментальных событиях. Вопрос о том, функционируют ли такие утверждения, как «Он стонал, так как испытывал боль», в объяснении

поведения посредством отнесения их к предполагаемому ментальному явлению, не может быть решен просто ссылкой на обычное лингвистическое употребление. Ответ на этот вопрос предполагает обширные эмпирические исследования природы мысли и процесса образования понятий нормальными человеческими существами. Предметом обсуждения является вопрос о роли теоретического построения и теоретических выводов в мышлении и аргументации за пределами чистой науки. Психологические наблюдения показывают, насколько повседневное употребление понятий зависит от разработки теорий и объяснительных моделей в терминах, в которых опыт накапливается и понимается²⁵. Такие донаучные теории, далекие от просто нефункциональных «картинок», играют важную роль в определении видов предположений, которые мы создаем, а также типов аргументов и объяснений, которые мы принимаем. Поэтому кажется *возможным*, что правильная точка зрения на использование ментальных предикатов обыденного языка будет состоять в описании области их применимости как области процессов теоретического вывода, действующего в научном психологическом объяснении. Если это правильно, то основным различием между обыденным и научным употреблением психологических утверждений будет только то, что процесс вывода, который становится определенным в некотором последующем случае, остается лишь подразумеваемым в предыдущем.

Сейчас мы способны рассмотреть, что можно сказать в ответ на возражение Витгенштейна, что возможность обучения языку покоится на существовании критериев. Вероятно, обучение слову являлось бы невысказанным, если бы иногда нельзя было определить, что обучающийся овладел словом. Но это еще не говорит о том, что необходим *критерий* для «*X* выучил слово *w*». Все, что здесь требуется, так это то, чтобы мы имели веские основания для утверждения, что словом овладели; это условие выполнено, когда, например, нам доступно наиболее простое и приемлемое объяснение вербального поведения обучающегося, заключающееся в том, что он обучился употреблению данного слова.

²⁵ Среди многих других философских работ, посвященных этой теме, следующие имеют особое значение: *Bartlett F. C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*. L., Cambridge University Press, 1932; *Piaget J. The Child's Concept of World*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1928; *Bruner J. S. On Perceptual Readiness* // *Psychological Review*, 1958, № 64, pp. 123–152.